

О ПОРОЧНОЙ НАТУРЕ ДЕМОКРАТИИ: АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ ВЕРСИЯ

Сергей Григорьевич ПИЛЕЦКИЙ¹

Есть предложение: давайте, не спеша, поговорим на злобу дня – о демократии, осмелимся, так сказать, прикоснуться к «священной корове» западноевропейской цивилизации Нового и новейшего времени. Поверьте, размышления сии могут быть не только теоретически увлекательны, но и как нельзя практически полезны, а в свете последних потрясающих планетарных событий – так и подавно. Либеральная демократия в европейской культуре не просто – непрекаемый идол и кумир, это своего рода респектабельная, презентабельная, разрекламированная, «жрецами» и многочисленной гвардией охраняемая «зажиревшая» мифологема. Ещё, знаете ли, и кусачая в адрес тех, кто её не принимает.

Пожалуй, начинать рассуждения о демократии и логично, и уместно с известного афоризма сэра Уинстона Черчилля, что, мол, демократия – плохая форма правления, но другие ещё хуже. Признаюсь, что ещё в юношеские годы у меня оформилось к нему устойчивое подозрительное отношение; интуитивно я воспринимал его не как шедевр английского юмора, а как насмешку. Каким-то «шестым чувством» я встраивал его в общий ряд расхожих американизмов, среди которых «если такой умный, почему не богатый?» и «деньги не пахнут». Было ощущение, что тебе подмигивает «напёрсточник». А с некоторых времён к эмоциональной антипатии присовокупилось и интеллектуальное неприятие. С ним-то я и хочу с вами поделиться.

Очень похоже, что с либеральной демократией всё миф на мифе и мифом погоняет. Ну, во-первых, считается, что демократия, пусть хоть и не без изъянов, но всё же при этом наиболее стабильная и эффективная форма политического устройства, способная успешно решать встающие перед ней задачи. Вроде бы действительно так, но, скажем, монархический государственный строй просуществовал не несколько столетий, а, как минимум, несколько тысячелетий и доказывал ничуть не меньшую стабильность и эффективность в разрешении возникающих проблем. Во-вторых, полагается, что демократия позволяет пробиваться к кормилу власти общественным «низам», по-иному этого лишённым, отвечает интересам подавляющего большинства народа, а посему социально более справедлива, а, значит, и более нравственна. Вроде бы действительно так, но, по крайней мере, с не меньшей очевидностью можно было бы заключить и обратное: реальные шансы «человека с улицы» даже при наличии его активной гражданской позиции без надлежащих связей и надлежащей финансовой поддержки близки

¹ Ярославская государственная медицинская академия, г. Ярославль, РОССИЯ.

нулю. Формально равные шансы *de jure* разбиваются вдрызг катастрофическим по стратификации *status quo de facto* (Я бы сказал, что равнодушному и талантливому отпрыску в плане головокружительной карьеры просвещённая монархия даже сподручнее демократии. Достаточно вспомнить «птенцов Петровых» – будущую элиту реформируемой России). А когда происходит тот редкий случай, что рядовой человек «с подворотни» проникает с чьей-то помощью и чьим-то *protégé* в эшелоны власти, то он будет вынужден, хотя бы из элементарного чувства признательности и благодарности, отрабатывать авансы. Известно же, что кто платит деньги, тот, так сказать, и музыку заказывает, и «барышню танцует». Это, кстати, напрямую и о том, в интересах ли подавляющего большинства общества впоследствии будут приниматься решения. И, наконец, в-третьих, утверждается, что демократия соответствует самым сокровенным чаяниям, глубиннейшим пристрастиям и предпочтениям, корнящимся в самой нашей природе и вытекающим из верховенства трансцендентальной человеческой свободы. Человек, мол, рождается свободным, и никто и ничто не вправе его этого лишать. Вроде бы действительно так, но вас не настораживает тот факт, что демократию мы не пускаем, поскольку она доказала там свою ущербность и несостоятельность, ни в сфере супружества и семейных отношений, ни в сфере дошкольного воспитания, ни в сфере среднего, средне-специального и высшего образования, ни в сфере медицины, защиты Отечества и правопорядка, ни в сфере спорта, ни в сфере философии, науки и искусства, ни в сфере морали и религии, ни в сфере какого бы то ни было стоящего дела, – от охоты на мамонта до нанотехнологий – а исключительно и только в акваторию политики. Не странно ли это? И ссылаемся при всём при этом на природу человека. Не хитрим и мошенничаем ли тут как тот «напёрсточник»?

Прежде чем сделаем глубокий реверанс в адрес древнегреческой философии в целом и Аристотеля – в частности, заметим следующее: человечество больно демократией давно. Инфицировалось оно ей ещё во времена античности, но, скоро переболев, потом очень надолго, почти на две тысячи лет, напрочь распрощалось с этой «блажью» – так сказать, стало устойчиво иммунно этой заразе. Но болезнь не прошла даром: она привела просто к поразительному падению нравов, просто поразительному закату культурной и экономической жизни и, в конце концов, просто к поражению. Ещё в древности было замечено, что демократия сама себя разлагает, сама себя подтачивает, что за наружной сытостью и вольготностью скрывается гнилое нутро, и чтобы этот общественный «мешок с трухой» рухнул, достаточен лишь незначительный внешний толчок.

Но вот, что любопытно: иногда даже и никакого внешнего воздействия не требуется – всё происходит, так сказать, эндогенно, – государственный организм сам себя очищает, производя необходимую санацию. Разгульная жизнь, бесспорно, какое-то время бодрит, увлекает, засасывает, но если организм ещё не в конец хворью и неестественным образом жизни измождён и обессилен, а разум не в конец развращён, то элементарный инстинкт

самосохранения непременно подскажет, что пора с развязностью «завязывать». А для этого нужны разум и воля или, в крайнем случае, воля и разум. Только надо выбрать: свои собственные или чужие.

И всё-таки подвергнуть дополнительной рефлексии вопрос, почему в сегодняшнее «смутное время» не только стоит, но и высшей степени полезно обратиться именно к древнегреческой мудрости – надо. По моему глубокому убеждению, античный анализ демократии имеет ряд существенных преимуществ перед современным. Во-первых, он непредвзят: те мыслители, в отличие от нынешних, не были «птенцами», выпестованными в заботливом демократическом «гнезде», и в этом смысле никаких обязательств перед ней не несли и никакой «клятвы на верность» не давали. Во-вторых, именно те классические формы демократии, первоначальной демократии, так сказать, демократии «в чистом виде» несут в себе также в чистом виде и те существенные характеристики, что конституируют данный тип государственного устройства и отличают его от всех остальных. Объективности суждений античных философов способствовало и то, что они, к их счастью, не были осведомлены о всякого рода усовершенствованиях и модернизациях витринного фасада демократии, равно как и об её особых видах гибридизации, скажем, в форме конституционной монархии и тоталитарного режима. И, в-третьих, (и это, наверное, самое главное) в отличие от современных теоретиков они не понаслышке, собственными глазами, на многочисленных примерах могли видеть, как, из чего демократия зарождается, чем живёт и к чему, в итоге, приводит.

Суть категорического неприятия философиями античности демократии, суть, так сказать, их основных претензий к ней сводилась к следующему. Первое: основной порок и ущербность демократии в плане государственного строительства, по их глубокому убеждению, состоит в том, что она возводится на ложном фундаменте, «на песке», что неминуемо в недолгой перспективе приведёт к краху. И понимание этого как раз не мудрено. Как известно, ткач должен ткать, плотник должен плотничать, врач должен лечить, а воин обеспечивать защиту. И каждый должен учиться своему делу «засуча рукава» и настоящим образом. Встречаются, конечно, экземпляры, когда в одном лице «и швец, и жнец, и на дуде игрец», но это, как правило, бывает хорошо лишь в плане проведения досуга и развлечения публики. Так неужели же подобного рода подготовка не требуется для руководителей высшего звена? Так неужели же занятие столь ответственного поста вверять воле случая? Ясно, что – нет. Ясно, что должен быть тщательнейший отбор по линии совмещения мощного интеллекта и развитости морально-волевых качеств. Здесь всё должно сойтись: и природный ум со смекалкой, и необходимая образованность с эрудицией, и высокая нравственность, и сознательно-волевое начало. Человек должен не только быть в состоянии принимать верные решения и уметь добиваться их исполнения, но и быть нравственно готовым нести за них всю полноту ответственности. А такое, догадаться несложно, встречается крайне редко. И ещё следует заметить: не случайно сколь-нибудь системная теоретизация

демократических основ государственности началась с работы Джона Локка «Два трактата об управлении государством» – «отца» европейского либерализма. Действительно, только полагая, что люди от природы равны, что человеческая душа в момент рождения есть «*tabula rasa*», можно без особых противоречий обосновывать предпочтительность демократии.

Второе: она – в чём были солидарны практически все философы – может быть только внутри особой императивной матрицы, в особом культурном фоне и социальном контексте. Их специфика в том, что они вызывают к жизни, взлелеивают и культивируют в населении самые низменные человеческие страсти, вожделения и непотребства: эгоизм, похоть, алчность, зависть, тщеславие, своеволие, непочтительность, хамство и «дурновкусицу». Большая часть из указанного – наше достояние, ниоткуда не привходит к нам – оно коренится в нашей природе, но проблема в том, что именно демократия не только не борется с их проявлениями, не только не умеряет и не урезонирует их, а, напротив, всячески востребует. Человек демократии – это особый психологический и нравственный тип, без которого она существовать не может, но который, на взгляд мыслителей прошлого, весьма и весьма несимпатичен.

И третье: то, что демократия превыше всего ценит, то, что является для неё идолом и кумиром, то, что она упрямо пестует в своих реципиентах, то, следствием чего как раз и является разгул тех самых качеств – её, в конце концов, и погубит. Это – и тут тоже догадаться несложно – свобода. Всё множащаяся и расширяющаяся свобода манит, пьянит, дурманит, требует всё больших доз, но затем, когда она превращается в безмерную, во вседозволенность, в анархию, наступает естественное отрезвление и «тяжкое похмелье». Люди начинают уставать и тяготиться этой самой свободой, люди в своей массе вдруг начинают тосковать по порядку, порядочности и элементарным правилам приличия. И тот, кто пообещает им прекратить эту «вакханалию», кто пообещает разогнать эти «пиры Валтасара», тот, кому они поверят, уже, в свою очередь, станет их новоявленным идолом и кумиром. А это, как вы сами понимаете, делается через кровь, и чаще всего – через большую. По солидарному мнению античных мыслителей, тираны не от «банной мокроты» заводятся и не с Луны к нам падают, а появляются как ставленники утомлённого хаосом и уставшего от свободы народа. Вот такая, знаете ли, происходит эндогенная санация через обильное кровопускание.

Ну и, наверное, последнее, предваряя возможные возражения, чтобы затем уж, не мешкая, обернуться к вечности и вдоволь насытится античной мудростью. Как, не впадая в интеллектуальное жульничество, удобоваримо растолковать существующий странный парадокс: почему, если демократия столь плоха, о чём убедительно поясняли ещё в античности, она всё-таки получила столь широкое (не сказать – безоговорочное) и всё ширящееся признание? Как объяснить, что при всей своей очевидной иллюзорности, идея демократии всё-таки «работает»: к ней апеллируют, ею клянутся, на ней выстраивают социальные прожекты и т.д.? Объяснить не просто, – ссылкой на слепую и для кого-то счастливую случайность не отмахнуться – но можно.

Действительно, это не воля случая, это следствие целого комплекса факторов: и объективных, и – что ещё более важно – субъективных.

Начнём с объективных. Не вдаваясь в подробности, поскольку это тематика партикулярных политэкономических и религиоведческих изысканий, укажем на три неразделимых, взаимосвязанных, взаимоподпитывающих и взаимообогащающих причины. Это, во-первых, зарождение и становление в недрах феодального общества капиталистических отношений, разрыв всех социально-экономических пут, сдерживающих триумфальное шествие свободной конкуренции, развитие рыночной экономики и её институтов. А для этого вслед за ломкой социальной сословности, установления принципов свободного перелива рабочей силы и капитала, обозначилась явная необходимость утверждения также соответствующей либерализации и внутривнутриполитической сферы. Во-вторых, это победа в XVI веке в ряде европейских стран протестантской реформации, которые и стали, в итоге, не только оплотом, но и движителем этих самых капиталистических отношений. И, в-третьих, это зарождение и обособление в рамках христианского мировоззрения некой новой, реформаторской, этики – морального кодекса строителя капитализма. И для всех этих трёх дел как нельзя кстати и как нельзя подходяще была именно демократия. Об этом так много написано, что одной жизни не хватит, чтобы всё перечислить.

Субъективные же факторы культивирования демократии зиждутся в основном на заблуждении, определённой ценностной девальвации, заинтересованности господствующих элит и, pardon, грубой силе. Заблуждение уже в том, что будто бы идеи либеральной демократии разделяются чуть ли большинством человечества. Фантом «чистой воды». Даже по самым заниженным её стандартам, если принимать в расчёт не наименование, а суть дела, то по её канонам и критериям кое-как проходит лишь небезызвестный «золотой миллиард» – т.е. менее одной шестой населения планеты. А вот остальную его часть надо к ней принуждать. Что касается ценностной девальвации, то её сердцевину составляет радикальный пересмотр такой этической категории, как честь. Во всех её, надо сказать, проявлениях. Ведь спокон веку конфликт поколений – так называемый конфликт «отцов и детей» – представлял собой ничто иное, если отвлечься от частных и мелочей, как смысловой диссонанс понятий чести и бесчестия. А именно: что дозволяется, а что – нет ни при каких обстоятельствах. А тут не просто ревизия, а, повторюсь, кардинальная дискредитация самой категории как некоего анахронизма. Заинтересованность господствующих политических элит, сросшихся с торгово-промышленным и банковским капиталом, и использование ими грубой силы, чтобы эту власть во что бы то ни стало сохранить, как сами понимаете, глубоко взаимопереплетено. Конечно, это вовсе не значит, что она держится исключительно примитивно, – на мощи армии и репрессивных органов – там задействована целая гамма разнообразных рычагов и весьма изощрённых методик. Но не будем забывать и следующее: либеральная демократия последнее время «на коне», она победительница в двух глобальных войнах –

второй мировой и холодной. Мало того, она искренне верит и убеждена, что «то, что позволено Юпитеру, не позволено быку»: что «комильфо» насильственного свержения правительств и повсеместного устраивания революций уже применительно к ней – недопустимый и прямо-таки шокирующий «моветон». Закончить пассаж, пожалуй, можно так: в античности демократия тоже победила и продержалась несколько столетий – подождём.

Вот и нас интересующий интеллектуал и энциклопедист Аристотель, практически во всём не соглашаясь с Платоном, настаивая на том, что для него истина дороже, в отношении демократии на редкость солидарен со своим учителем. Его трактат «Политика» без преувеличения – кладёшь политическую мудрости. Там он подробно, аргументировано, на многочисленных примерах доказывает, что политические реалии предоставляют три хорошие и три плохие формы государственного правления. Причём плохие являют собой деформации хороших. Хорошими он признаёт монархию, аристократию и политию (власть обеспеченных военных, способных за свой счёт приобретать тяжёлое вооружение), плохими – тиранию (как деформацию монархии), олигархию (как деформацию аристократии) и демократию (как деформацию политики). Вот, в частности, что он пишет в книге III своего сочинения:

1. Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек или немногие, или большинство правят, руководствуясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями...2. Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного – аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства – полития. 3. И такое разграничение является логически правильным: один человек или немногие могут выделяться своей добродетелью, но преуспеть в всякой добродетели для большинства – дело уже трудное, хотя легче всего – в военной доблести, так как последняя встречается именно в народной массе. Вот почему в такой политии верховная власть сосредоточивается в руках воинов, которые вооружаются на собственный счёт. 4. Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни одна

из них в виду не имеет².

И чуть дальше:

7. Если правление нескольких людей, всех одинаково хороших, следует считать аристократией, а правление одного лица – царской властью, то аристократия оказалась бы для государства предпочтительнее царской власти, всё равно будет ли власть опираться на вооружённую силу или обойдётся без неё, лишь бы только оказалось возможным привлечь к правлению нескольких подобных людей. Может быть, в прежние времена люди управлялись царями именно вследствие того, что трудно было найти людей, отличающихся высокими нравственными качествами, тем более что тогда вообще государства были малонаселёнными. Кроме того, царей ставили из-за оказанных ими благодеяний, а их оказывали хорошие мужи. А когда нашлось много людей, одинаково доблестных, то, отказавшись подчиняться власти одного человека, они стали изыскивать какой-нибудь общий вид правления и установили политию. 8. Когда же, поддаваясь нравственной порче, они стали обогащаться за счёт общественного достояния, из политики естественным путём получились олигархия, ведь люди стали почитать богатство. Из олигархий же сначала возникли тирании, а затем из тираний – демократии: низменная страсть корыстолюбия правителей, постоянно побуждавшая их уменьшать своё число, повела к усилению народной массы, так что последняя обрушилась на них и установила демократию³.

Прелюбопытные рассуждения Аристотеля мы находим в следующей, IV, книге его трактата. Особенно хороши, метки, филигранны его экзистенциальные характеристики мировосприятия и морального облика олигархов и черни.

...Если верно сказано в нашей «Этике», что та жизнь блаженная, при которой нет препятствий к осуществлению добродетели, и что добродетель есть середина, то нужно признать, что наилучшей жизнью будет именно средняя жизнь, такая, при которой середина может быть достигнута каждым. 3. Необходимо установить то же самое мерило как для добродетели, так и для порочности государства и его устройства: ведь устройство государства – его жизнь.

В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими. Так как, по общепринятому мнению, умеренность и середина – наилучшее, то, очевидно, и средний достаток из всех благ всего лучше. 4. При наличии его легче всего повиноваться доводам разума; напротив,

² Аристотель «Политика». М., 2002, с.105

³ Там же, с.125

трудно следовать этим доводам человеку сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению. Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из наглости, другие – вследствие подлости. Сверх того, люди обоих этих типов не уклоняются от власти, но ревностно стремятся к ней, а ведь и то, и другое приносит государствам вред. 5. Далее, люди первого типа, имея избыток благополучия, силы, богатства, дружеских связей и тому подобное, не желают, да и не умеют подчиняться. И это наблюдается уже дома, с детского возраста: избалованные роскошью, в которой они живут, они не обнаруживают привычки повиноваться даже в школах. Поведение людей второго типа из-за их крайней необеспеченности чрезвычайно униженное. Таким образом, одни не способны властвовать и умеют подчиняться только той власти, которая проявляется у господ над рабами; другие же не способны подчиняться никакой власти, а властвовать умеют только так, как властвуют господа над рабами. 6. Получается государство, состоящее из рабов и господ, а не из свободных людей, государство, где одни исполнены зависти, другие – презрения⁴.

Вернёмся, однако, в тревожную действительность. Рассуждая о демократии, практически все (за малым исключением) понимают, что она не только не цель, а всего лишь средство (и не панацея!) к благосостоянию, и если она к нему не ведёт, то бишь не выполняет свою надлежащую функцию, то надо искать другое, более надёжное и эффективное. Причём она – не универсальна не только содержательно, не только структурно-функционально, но географически и этнографически. Её притязания на некий «вселенский», «общечеловеческий» статус беспочвенны, завышены и самонадеянны. Мало того, что она в своём нынешнем виде ни в коей мере не обеспечивает подлинного народовластия, поскольку трудового народа не только во власти не видать, но и даже и решения в государстве принимаются далеко не в его интересах, но, кроме того, нет никакого доверия к честности проведения и достоверности результатов её основы основ – самих выборов. Этому мы, к сожалению, уже весьма приученные и, мягко говоря, не всегда благодарные зрители и участники. Президентские выборы 1996 года в нашей стране – этому непреходящий памятник. Как в своё время остроумно и прозорливо заметил незабвенный «отец народов» Иосиф Виссарионович Сталин: «неважно, как проголосуют, важно, как посчитают». И я не удивлюсь, если вскоре дискредитация, разочарование и недоверие не только к функционированию политических институтов либеральной демократии, но и к самому её базису – всеобщим выборам – достигнет такой глубины и таких масштабов, что в своём большинстве сознательные, не ко всему безразличные, граждане начнут всё

⁴ Аристотель «Политика». М., 2002, с.153–154

настойчивее требовать чего-то принципиально иного. Будут смотреть по сторонам, а в душе будет тлеть угрюмый огонь. Не дошло бы даже до неистовства.

Вы меня спросите, как это может быть, что может стать той «последней каплей» переполнившей «критическую массу» терпения? И я вам отвечу: да всё просто. Этому мы тоже уже не очень-то признательные свидетели. Я имею в виду усиленно внедряемую систему электронного голосования и, соответственно, электронного подсчёта его итогов. Нам, естественно, вещают о её эффективности и прогрессивности, заверяют в её полнейшей надёжности, укрытости и многоуровневой защите от всяческого стороннего проникновения и взлома, но «обжегшись на молоке, на воду дуют». Ну, во-первых, лихо и умело совершенствуются и «хакерские» средства и методы, так что 100% гарантии никто и никогда вам не даст; и, во-вторых, а кто вам сказал, что большее беспокойство вызывают некие сторонние, так сказать «инородные», влияния, нет, как раз совсем наоборот, от своих жди подвоха – как метко изрёк римский историк Ювенал: «а кто будет охранять охранников?», то бишь а кто будет надзирать над надзирателями? Раньше полагались на так называемый и неплохо себя зарекомендовавший «административный» ресурс теперь же к нему присовокупят новомодный и безотказный «электронный». Вот будет тебе, бабушка, и Юрьев день!

Скажите честно: вы в самом деле доверяете всем этим ушатам на нас хлынувшим «интерактивным голосованиям», поднявшимся на пене разнокалиберных игровых и «ток» шоу? Не кажется ли вам, что результаты в них уже кем-то predeterminedены и что вся эта суэта со звонками и SMS-сообщениями – лишь дань и неотъемлемый атрибут современного шоу. Закулисный «драматург» потрудились и уже давным-давно составил подробный сценарий (и он уже где надо утверждён) по всем перипетиям туров, в точности указав, кто из участников выбывает, а кто проходит дальше, учтя, между прочим, и то, чтобы неожиданных поворотов, «экспромтов», всплесков эмоций и незлого драматизма было побольше. Каноны жанра, так сказать. Можно сколько угодно изумляться тому, что ни вы, ни ваши родственники, ни ваши знакомые, ни знакомые ваших знакомых не голосовали, скажем, за какого-то кандидата, а он прошёл, а ваш фаворит нет, но ни проверить, ни тем более что-то доказать вы никогда не сможете. Очень сдаётся, что нечто схожее вскорости произойдёт и с выборами: все мы скопом окончательно превратимся в хронических политических «статистов», имитирующих кипучую деятельность, а некие «закулисные сценаристы», «серые кардиналы» будут, не спеша, раскладывать свой «пасьянс» и вершить наши судьбы. Какое-то время эта хитроумная уловка просуществует, продержится, но рано или поздно надоест, станет невтерпёж, и гроздьями полетят чьи-то головы. Все опять вдруг вспомнят пушкинские провидческие слова про русский бунт – бессмысленный и ужасный. Чтобы понять это, «семи пядей во лбу» иметь не обязательно, достаточно почитать античную классику и не в последнюю очередь – Аристотеля.